

Александра Ушакова

Три истории до завтра

Александра Ушакова

Три истории до завтра

<https://litres.ru/73103208>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Всё, о чём ты мечтаешь, — у твоих ног. А душа — у черта на крючке».

Светлане Гордеевой 37. Муж-слесарь, дочь-подросток, борщ на плите и тоска, прошивающая насквозь. В новогоднюю ночь, в «Бургер Кинге», она пишет на салфетке: «Хочу быть богатой, знаменитой, счастливой». Кровь с носа падает на записку, как печать. Красавец в белом с золотыми рожками предлагает сделку.

Мечты сбываются. Стремительно и жестоко. Теперь ей 47. Она — икона стиля, звезда экрана. Но её мир — золотая клетка. Бывший муж, дочь, игнорирующая её, и неумолимый срок: душа в уплату за успех. Отчаявшись, Светлана пытается вернуть всё назад. Её шанс - пройти три испытания, воплотившись в тех, кого сама никогда не замечала. Она станет королевой, способной лишь мычать рядом с чужой болью; кошкой, вынужденной кричать в крошечной тьме, чтобы спасти жизнь; медведицей на цепи, чья доброта должна родиться в аду цирка.

Роман для тех, кто искал себя — и боялся найти.

Содержание

Глава 1. О том, как даются обеты, и о первой крови	4
Глава 2. Золотая клетка и явление Адвоката	14
Глава 3. О том, как ищут свидетеля и принимают решение	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Три истории до завтра

Глава 1. О том, как даются обеты, и о первой крови

Было мне тогда тридцать семь лет от роду, и наречена я именем Светлана, по мужу – Гордеева. Жила я с мужем своим, Александром, слесарем искусным (шестого разряда, наивысшего на заводе его), и с дочерью Валентиною, коей минуло уже четырнадцать зим. Квартира наша на улице Чехова, в доме, который помнил ещё хрущёвское потепление, была мала, но уютна, если уютом можно назвать вечное соседство запаха борща, машинного масла от Сашкиной спецовки и Валькиных духов-«фруктового взрыва», от которых щипало в носу.

Я стояла у плиты в тот вечер, тридцатого декабря, и резала свёклу. Нож в моей руке двигался ровно, привычно, но где-то в глубине сознания уже нарастал тот самый гул – как перед землетрясением, которое чувствуют только животные. Я смотрела на свои руки: когда-то они были молодыми, с тонкими пальцами, которыми я выводила в школьной тетради стихи Есенина, переписанные от руки. Теперь эти руки пахли луком и чесноком, а под ногтями застряла свекольная мякоть.

Мысль, тяжёлая и липкая, точно вар, настигла меня: всё, чем я владею, – это вот этот борщ, этот вечер за окном, где в морозной дымке тускло горели редкие окна, да эта бесконечная, унылая дорога в магазин за сметаной, которую я проделываю уже пятнадцатый год. Мысль та была столь тягостна, столь душна, что потребовалось мне тотчас выйти на воздух, будто в горнице перекрыли всё живое дыхание.

Я отложила нож. Свёкла, разрезанная пополам, кровянисто темнела на разделочной доске, и это было похоже на что-то раненое, оставленное истекать.

– Саш, – бросила я в сумрак коридора, натягивая старый спортивный костюм, пропахший пылью и, казалось, самыми ветхими моими надеждами. Костюм этот когда-то был синим, с белыми лампасами, и в нём я бегала по утрам, когда верила, что ещё успею стать кем-то другой. Теперь он обвис на коленях, и лампасы эти напоминали скорее траурные ленточки. – Я за сметаной.

– Ага... – донеслось в ответ. Он даже не оборотился. Сидел в своём кресле, продавленном до формы его тела, перед телевизором, где мелькали кадры какого-то старого фильма. Свет телевизора падал на его лицо, высвечивая глубокие морщины у губ и седину на висках, которую я раньше не замечала или не хотела замечать.

Дверь за мной закрылась тихо. Я не включила свет в подъезде – знала каждую ступеньку на ощупь. Перила были ледяными, пахло кислой капустой из соседней квартиры и таба-

ком. На площадке второго этажа кто-то выставил ёлку, уже осыпавшуюся, и иголки хрустели под моими стоптанными кроссовками.

На улице было морозно, градусов пятнадцать, но ветра не было, и снег падал медленно, крупными хлопьями, как в детстве, когда казалось, что весь мир – это пушистая, белая тишина. Я подняла лицо к небу, и снежинки таяли на щеках, смешиваясь с чем-то солёным. Я не плакала. Я просто дышала.

Но не за сметаной пошла я.

Путь мой лежал к «Бургер Кингу», месту моего тихого, постыдного утешения, единственной пристани в житейском море. Оно находилось в двух кварталах от дома, на перекрёстке, где круглосуточно горел жёлтый свет, и даже в три часа ночи там былолюдно. Я любила этот час – время между старым и новым днём, когда город замирал на мгновение, чтобы перевести дух.

На часах было две минуты первого. Почти Новый год.

Внутри пахло жареным маслом, ванилью и дешёвым кофе, который здесь называли «американо», но который на вкус был просто горячей водой с горечью. Я взяла на кассе свой обычный заказ: чёрный кофе и брауни с мороженым. Брауни здесь был приторным, слишком сладким, но в этой сладости было что-то отчаянное, какое-то обещание радости, которой в моей жизни давно уже не случалось.

Я села за столик у стены, тот самый, что выбрала ещё в

первый раз, когда пришла сюда три года назад. Тогда я плакала, уткнувшись в салфетку, и никто не обратил внимания. Здесь все были заняты собой – своими бургерами, своими телефонами, своей иллюзией сытости.

Достав из кармана куртки ручку, а из подстаканника – салфетку, я стала выводить на ней, вдавливая буквы в рыхлую бумагу с такой силой, словно клеймила собственную душу. Ручка была дешёвой, чернила растекались, но мне казалось, что каждое слово выжжено на бумаге калёным железом.

«Хочу быть богатой. Хочу быть знаменитой. Хочу быть красивой. Хочу быть счастливой».

Я писала эти слова и чувствовала, как в груди разрастается пустота. Богатой – чтобы не считать копейки в магазине, не откладывать на новые сапоги Вальке до следующей зарплаты. Знаменитой – чтобы меня узнавали на улице, чтобы моё имя что-то значило, чтобы я перестала быть просто «женой слесаря Гордеева». Красивой – чтобы Сашка смотрел на меня не пустым взглядом мимо, а так, как смотрел когда-то, в самом начале, когда мы гуляли по набережной и он говорил, что у меня глаза как два озера. Счастливой – чтобы этот ком в горле исчез навсегда.

Каждое это «хочу» жгло бумагу пуще огня, будто писано было не чернилами, а самою кислотой отчаяния.

И тут из носу у меня потекла кровь. Тёплая, живая, алая. Капля её, тяжёлая и полновесная, упала прямо на слово «счастливой», растекшись причудливой печатью, поставив

жирную, страшную точку в моей жалобе. Я зажала нос рукой, но кровь сочилась сквозь пальцы, капая на стол, на салфетку, на мою куртку. В голове зашумело, и на мгновение мне показалось, что стены заведения поплыли, как в лихорадке.

Пока я, опрокинув стакан с кофе, шарила в сумке в поисках платка, ко мне подсел некто. Я не слышала ни шагов, ни скрипа стула – он просто оказался рядом, как будто всегда здесь и сидел.

Был он в белоснежном, невысказанно чистом пуховике и штанах, а на голове его красовалась шапка с золотыми рожками, что слабо, но явственно светились в полумраке заведения. Светились не электрическим, не люминесцентным светом – а каким-то внутренним, живым, словно у светлячка, запертого в стеклянную банку. Лицо его было молодым, но глаза – глаза были старыми. Очень старыми. И прозрачными, как лёд на Байкале, под которым таится бездна.

Смотрелся он как призрак с глянцевого щита, сошедший в мир, пропахший жареным картофелем и безысходностью. И при этом – какой-то неестественно, нечеловечески прекрасный. Черты его были правильными до иллюзии, до жути, словно его лицо собирали по частям из самых удачных образцов человеческой красоты, но забыли вложить в него душу.

– Хочешь, исполню? – спросил он. Пальцы его, длинные и прохладные, как первые сосульки, выхватили у меня окро-

вавленную салфетку. Он взял её двумя пальцами, как берут опасную, заразную вещь, и поднёс к свету. Кровь на бумаге казалась чёрной в тусклом свете люминесцентных ламп.

Я усмехнулась, промокая нос платком с розами семидесятых – маминым, из приданого, которое она мне оставила. Платком пахло нафталином и чем-то далёким, почти забытым, как детство.

– Да ты, ангел, лет на двадцать с моими желаниями опоздал. Они уж мхом поросли. И гнилью, – добавила я, чувствуя, как горечь поднимается из самого дна, куда я годами заталкивала обиды и несбывшиеся мечты.

– Не беда, – улыбнулся он в ответ, и в улыбке той почувдилось мне что-то стремительное и неотвратимое, подобное падению с высокой горы. В этой улыбке не было тепла – только холодная, математическая уверенность.

– И что, просто так исполнишь? – спросила я, не веря ни единому его слову, но почему-то чувствуя, как внутри разгорается что-то, давно погасшее: надежда. Глупая, детская, опасная надежда.

– Не просто так, – он наклонил голову набок, и рожки на его шапке сверкнули золотом. – Сделка. Честный обмен. Ты получаешь всё, что хочешь, а я – маленькую плату. Совсем маленькую. Ты её и не заметишь.

– Какую плату? – прошептала я, хотя внутри уже знала ответ. Знала, но не хотела признаваться себе.

– Душу, – сказал он так же буднично, как говорят о сдаче

в магазине. – Через тридцать лет. Срок немалый. Ты успеешь пожить. Власть. Как королева. А потом – ну что ж, потом придёт время платить по счетам.

Я засмеялась. Горько, надрывно, так, что сидевшая за соседним столиком девушка обернулась.

– Душу? Ты в каком веке живёшь? У меня и души-то, наверное, нет. Высосали всю по капле эти... – я махнула рукой в сторону окна, за которым темнел мой город, моя жизнь, моя клетка. – Забирай. Мне всё равно терять нечего.

Он смотрел на меня долго, изучающе, как смотрят на редкий экспонат в музее. Потом кивнул, будто принял решение, которое давно уже принял ещё до того, как сесть за этот столик.

– Сделка, – сказал он. – Твоя кровь – твоя подпись.

Он поднёс салфетку к губам и дунул на неё. Бумага вспыхнула ровным, золотистым пламенем, не обжигая его пальцев, и сгорела дотла за секунду, оставив в воздухе тонкий, едва уловимый запах серы и корицы.

И мир вокруг меня поплыл, закружился и растаял в золотистой дымке.

А за двадцать лет до того, в клубе «Полигон», где музыка била тяжёлыми басами прямо в грудь, а свет резал глаза острыми лучами, было иное.

– Светка! – орала мне в самое ухо Ленка, пахнувшая дешёвыми духами и самою юностью. Её духи назывались «Пре-

лесть» и стоили три рубля в киоске у метро, но казались нам тогда ароматом самой свободы. Ленка была в короткой юбке из чёрной кожи и в топике с блёстками, и блёстки эти при каждом её движении осыпались на танцпол, оставляя за ней мерцающий след. – Глянь, вон тот краш! Пялится на тебя, словно замороженный!

Я стояла у стойки, сжимая в руке пластиковый стаканчик с чем-то шипучим и сладким, что здесь называли «шампанским». Мне было семнадцать, и я была уверена, что вся жизнь впереди, как бесконечная дорога, уходящая за горизонт. Я была в джинсах, купленных на вещевом рынке, и в белой футболке, которая казалась мне верхом элегантности. Волосы, коротко стриженные после того, как я отрезала косу в знак протеста против школьной формы, топорщились ёжиком, и я всё время поправляла их, боясь, что выгляжу как мальчишка.

Сквозь толпу и мигающий свет, рассекая танцпол подобно стреле, ко мне пробирался юноша в белом джинсовом костюме. Был он нездешней красоты, точно падающая звезда, ненароком застрявшая в дыму и мишуре дискотеки. Люди расступались перед ним, даже не замечая этого, как расступается лес перед невидимым ветром. В руке он держал мою салфетку. Ту самую, с детскими «хочу» и алым кляксом, словно принёс её из грядущего. «Хочу быть богатой, красивой, знаменитой, счастливой».

– Хочешь, исполню? – спросил он, и голос его прозвучал

не в ушах, но прямо в сознании моём, перекрывая грохот музыки и крики толпы.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. В его глазах не было отражения ни мигающих огней, ни танцующих людей – только я, маленькая, в белой футболке, с ёжиком на голове и с пластиковым стаканчиком в руке.

В семнадцать лет не ведают сомнений. Есть лишь жажда чуда, немедленного и яркого.

– О, класс! – закричала я, поднимая бокал с шипучим, дешёвым шампанским. Шампанское плеснуло через край, и капли упали на его белый костюм, но не оставили следа. – Исполни!

– Будет исполнено, – кивнул он, не сводя с меня своих ледяных, прозрачных глаз. И салфетка в руке его вспыхнула вдруг коротким, жарким золотым пламенем, обратившись в горстку пепла, что медленно просыпалась меж его длинных пальцев.

Я смотрела на этот пепел, и сердце моё билось где-то в горле, но не от страха – от восторга.

– А как тебя зовут? – спросила я, когда он уже повернулся, чтобы уйти.

Он обернулся, и в свете стробоскопа его лицо на секунду стало нечеловеческим, почти пугающим.

– У меня много имён, – сказал он. – Но ты можешь звать меня просто... Белый.

И он исчез в толпе, растворился, будто его и не было, оста-

вив после себя лишь запах корицы и серы, который потонул в облаке дешёвых духов и сигаретного дыма.

– Светка, ты чего? – Ленка трясла меня за плечо, и лицо её было испуганным. – Ты побледнела вся. Тебе плохо?

– Нет, – я мотнула головой, прогоняя наваждение. – Нет, всё хорошо. Просто... показалось.

Но я знала, что это не показалось. В кармане моих джинсов лежала горстка пепла, и она была холодной, как лёд.

Глава 2. Золотая клетка и явление Адвоката

Настоящее время. Сорок семь лет миновало с моего рождения.

Очнулась я в том же клубе. Но иным он стал: воздух в нём благоухал дорогими ароматами, а не кислым запахом пота и перегара. И вибрировал он не от басов, но от шепота папарацци и сухого щёлканья камер. Плотным кольцом окружали меня охранники, отгораживая «звезду» от восторженной толпы. Их чёрные пиджаки были одинаковыми, как у солдат одной армии, и лица их были одинаково бесстрастны, как у роботов.

Я стояла на возвышении, под светом софитов, и чувствовала, как каждый луч впивается в мою кожу, высвечивая каждый изъян, каждую морщинку, которую хирурги старались стереть. Платье на мне было от кутюр, серебристое, как чешуя рыбы, и оно облегалo тело, которое я почти не узнавала. Мои руки, когда-то пахнувшие луком и свёклой, теперь благоухали дорогими духами, а на запястьях сверкали бриллианты, каждый из которых стоил больше, чем Сашкина зарплата за десять лет.

И в мозг мой, словно в пустой сосуд, влилась память о новой жизни: о каждой сыгранной роли, о каждой спетой но-

те, о каждой написанной строчке бестселлера, о каждой обложке глянцевого журнала. Света Гордеева – актриса, певица, писательница. Её имя знал каждый: от школьника, который слушал её песни в наушниках, до старухи у подъезда, которая читала её романы в трёх томах, заложив между страниц огрызок яблока. Богатая. Знаменитая. Красивая до бесплотности – лучшие хирурги мира вылепили из моего лица безупречную, но бездушную маску. Скулы, которые когда-то были широкими, стали острыми, как лезвия. Губы, тонкие от природы, налились неестественным объёмом. И только глаза остались прежними – серыми, глубокими, с тоской на дне, которую не могла стереть никакая операция.

И до тошноты, до сердечной боли несчастная.

Память о прежней жизни билась где-то на периферии сознания, как мотылёк о стекло. Я помнила нашу квартиру на Чехова, помнила запах Сашкиной спецовки, помнила, как Валька впервые пошла в школу в белом фартуке и огромных бантах. Но эти воспоминания казались сном – ярким, но нереальным, как будто их прожил кто-то другой.

Александр, получив щедрые отступные, женился на тихой женщине из библиотеки и, сказывали, обрёл наконец покой. Я видела его однажды, случайно, в супермаркете. Он стоял в очереди на кассу, держал за руку маленькую девочку – их общую дочь, я узнала её по фотографии в соцсетях, которые тайком просматривала по ночам. Он постарел, поседел, но в глазах его было что-то, чего я никогда не видела, когда он

смотрел на меня: покой. Он был счастлив. Без меня.

Валька же, дочь моя, обучалась в далёком Оксфорде и отвечала на мои длинные, выверенные до запятой послания лишь односложно и раз в месяц, словно исполняя тягостную повинность. «Всё хорошо», «не переживай», «занята». Я знала, что она ненавидит меня – за то, что я бросила их с отцом, за то, что променяла семью на блеск софитов, за то, что стала чужой. Я писала ей длинные письма, в которых извинялась за всё, за что только можно извиниться, но слова казались пустыми, как маска на моём лице. Я не знала, как вернуть её доверие. Я не знала, как вернуть себя.

Мужем моим был уже пятый по счёту – молодой итальянец с глазами спелых маслин, что в сей час, надо полагать, тратил мои деньги на содержание своего тайного возлюбленного. Мы встретились на кинофестивале в Каннах, и он был так красив, так галантен, что я поверила: на этот раз всё будет иначе. Но брак наш был не более чем деловым соглашением: ему нужны были деньги и связи, мне – иллюзия, что я ещё могу любить и быть любимой. По ночам он спал в другой комнате, и я слышала, как он говорит по телефону по-итальянски, с нежностью, которой никогда не было в его голосе, обращённом ко мне.

Жизнь моя уподобилась золотой клетке, где каждый новый день встречал меня тошнотворной пустотой, что горше любого похмелья. У меня было всё, что можно купить за деньги: дома в Лондоне и Париже, яхта на Лазурном берегу,

коллекция винтажных автомобилей, о которой мечтают коллекционеры. Но не было ничего, что нельзя купить: покоя, любви, смысла.

И одно помнила я твёрдо: ту сделку заключали на тридцать лет. Тридцать лет слепящей славы в обмен на душу мою. Четырнадцатого декабря, в день моего рождения, должно было свершиться. Ад – не метафора. Ад – вот она, конечная остановка, следующая за этим путём.

Сердце моё сжалось в ледяной ком и тяжко забилося где-то в горле. Я выскочила из клуба, вскочила в низкий, рычащий зверем «Мерседес» и помчалась сквозь ночной город, разметая крыльями снег, словно пыталась стряхнуть с себя двадцатилетний слой мишуры и лжи. За рулём сидел мой водитель, Павел (не тот Павел, что потом явится, а другой, живой, с залысинами и привычкой жевать мятную жвачку). Он знал своё дело: вёл машину быстро, но плавно, не задавая лишних вопросов. Я смотрела в боковое стекло на огни ночного города и чувствовала, как они размываются в сплошные полосы, как слёзы.

– Алиса, заказ в «Бургер Кинг»! – крикнула я в пустоту салона. – Кофе и брауни с мороженым!

Я мчалась назад. К единственному месту, где всё было по-настоящему. Где всё началось.

Забрав заказ, я рухнула за тот же столик. Руки мои дрожали мелкой дрожью и не слушались. Ногти, покрытые идеальным французским маникюром, оставляли на бумаге бе-

лые полосы. Достав салфетку и подводку для глаз (не простой карандаш, а лимитированную коллекцию, но какая нынче разница?), я принялась выводить на бумаге, давя с такой силой, что рвала её тонкое нутро:

«ХОЧУ ВСЁ ОТМЕНИТЬ. БОЖЕ (ЕСЛИ ТЫ ЕСТЬ), ВЕРНИ ВСЁ ОБРАТНО!»

И внизу, с отчаянием приговорённого, поставила подпись: «Светлана Гордеева».

И вновь нос мой захлестнуло знакомой тёплой волной. Алая кровь закапала на мою мольбу, повторяя древний, как мир, ритуал.

– И как это у них получается таким вкусным? – раздался рядом хриплый, простуженный голос.

Рядом со мной сидел человек в лохмотьях и с блаженным видом поедал мой брауни. Я хотела было крикнуть, призвать охрану, но мир вокруг поплыл той же золотистой дымкой, знакомой и ужасающей. Бомж же на глазах менялся: грязные тряпки опали с него, подобно шелухе, превращаясь в безупречно сшитый чёрный костюм, седые космы укладывались сами собой в строгую, благородную причёску. Предо мною сидел невозмутимый муж с пронзительными очами цвета старого, тусклого серебра. На голове его была чёрная фетровая шляпа, тулью которой опоясывала тонкая, едва различимая золотая нить. Лицо его было испещрено морщинами, как древняя карта, на которой обозначены все пути человеческих страданий, и в каждой морщине, казалось,

таилась своя история.

– Павел, – молвил он, забирая мою окровавленную салфетку движением столь же естественным, сколь и не допускающим возражений. – Буду вашим адвокатом на суде, что грядет.

– Тот самый... Павел? – выдохнула я, чувствуя, как сама ткань бытия трещит по всем швам.

– Именно так, – кивнул он. Во взоре его читалась нечеловеческая, вселенская усталость – так, верно, смотрит старый лекарь, не смыкающий очей у постели смертельно больного мира. – Апелляция ваша принята к рассмотрению.

– Э-э-э, так не честно, дамочка! – Рядом с нами, словно из ниоткуда, возник тот самый Парень в белом свитшоте. Он с преувеличенной досадой, по-хозяйски отхлебнул из моего стакана. – Черт, а ведь и впрямь вкусно! Правила игры нарушаешь. Дали тебе всё, чего просила, а ты теперь обратно просишь? Капризная.

Павел поднял руку – один лишь этот жест, полный достоинства, мгновенно утихомирил его.

– Живите пока, Светлана, – произнёс он, и в глухом, подобном стуку земли о крышку гроба голосе его послышалась мне едва уловимая нота... не сочувствия ли? – Ищите доводы в свою защиту. Когда срок подойдёт, я буду вас защищать. Но защита должна быть подкреплена не пустыми словами, но делами.

Он поклонился мне, с достоинством истинного дворянина

минувших веков, и растворился в воздухе, словно его и не бывало. Лишь лёгкий запах старых фолиантов и утреннего мороза остался после него.

Парень в белом надул губы, точно дитя, у которого отняли любимую игрушку.

– Нечестно, – бросил он мне, натягивая свой пуховик. – Совсем нечестно. Ну, поглядим, что у тебя выйдет. Буду держать за тебя кулачки. Или не буду.

Щёлкнул он пальцами – и исчез. Только чашка с кофе стояла на столе пустая, с одинокой пенкой на доньшке.

Я осталась одна. За окном занимался рассвет нового года. Нового дня. Моих последних десяти месяцев на земле.

Глава 3. О том, как ищут свидетеля и принимают решение

«Ленка, возьми же трубку, ради всего святого!» – мысленно взывала Светлана, мча на своём мощном «Мерседесе» сквозь пустынный, похмельный город раннего утра. Запах дорогой кожи в салоне мешался с привкусом страха и остывшего кофе на губах. Солнце ещё не взошло, но небо на востоке уже начало светлеть, обещая новый день, который она, возможно, не увидит, если не сможет ничего изменить.

– Абонент недоступен...

Она швырнула телефон на соседнее сиденье – с такой силой швырнула бы его о стену, не будь он столь непомерно дорог. По пути к своей небоскрёбной высотке она проскочила не один красный свет. Штрафы? Что теперь какие-то штрафы, когда на кону стоит сама вечность, пропахшая серой и пеплом? Ленка. Елена Дробовик. Та самая школьная подруга, что двадцать лет назад впихнула её в ту роковую тусовку, приговаривая: «Развейся, сидишь тут, как сыч!». А после стала её промоутером и безжалостным пиар-менеджером, живым и беспощадным мостом, перекинутым меж двух её жизней.

В своей стерильной квартире-пентхаусе, походившей более на музей современного искусства, где даже пыль, каза-

лось, боялась осесть не в положенном месте, первым делом она налила себе виски в тяжёлый хрустальный стакан. Пила она ныне редко, но сегодня – можно. Даже нужно. Чтобы залить спиртным ледяной вой, поднявшийся в душе, чтобы заткнуть смолой трещины в разваливающемся на части мире.

Она стояла у панорамного окна и смотрела на Москву, раскинувшуюся внизу, как на карте. Огни гасли один за другим, город просыпался, наливаясь утренним светом, но для неё этот свет был мёртвым. Двадцать лет она жила здесь, на высоте птичьего полёта, но никогда не чувствовала себя частью этого города. Она была экспонатом в витрине, на которую смотрели, но к которой не могли прикоснуться.

Виски обжёг горло, и она закашлялась, расплескав половину на мраморный пол. Жёлтая лужица растеклась по белому камню, и на мгновение Светлане показалось, что это не виски, а кровь. Её кровь. Которой она подписала тот договор.

На исходе дня, в сумерках, голова её гудела, как пустой чугун. Рядом на холодной мраморной столешнице настойчиво, точно оса, вибрировал айфон.

– Да, – ответила Светлана хрипло.

– Чего звонила как безумная, а после пропала? – донесся деловой, слегка раздражённый голос Ленки. Голос человека, у которого даже чувства расписаны по минутам в ежедневнике.

– Лен... – начала Светлана, сжимая трубку так, что побелели костяшки. – Помнишь тот вечер, когда нам было по

семнадцать? И того парня в белом?

На другом конце провода повисла тишина – густая, насто-
роженная, точно над прорубью.

– Ну... да, конечно, – ответила Лена, и голос её вдруг
утратил привычную деловитость, сделавшись осторожным,
будто она ступала по тонкому, готовому проломиться льду. –
Мы потом ещё долго шутили... что если все твои «хочу» сбь-
дутся, то он был самый настоящий ангел-исполнитель. По-
сланник Божий.

– Не Божий, – выдохнула Светлана, глядя в темнеющее за
окном небо, подобное бездонному колодцу. – Адский.

– Ой, Свет, – отмахнулась Лена, и в голосе её вновь
завучали привычные, профессиональные нотки, гладкие,
как свежий лак. – Переработалась ты на съёмках. Фантазия
разыгралась. Не носи чепухи. Мне бежать надо, завтра у тебя
съёмочный день в «Выжить, нельзя простить», помнишь? В
шесть утра грим. Не опаздывай.

– Ленка, подожди! – крикнула Светлана, но в ответ услы-
шала лишь короткие гудки.

Связь прервалась. Короткие гудки в трубке были столь же
пусты, как и всё вокруг.

Она бросила телефон на диван, и он, ударившись о по-
душку, отскочил и упал на пол. Светлана не стала его подни-
мать. Она стояла посреди гостиной, огромной, как ангар, и
чувствовала, как стены начинают давить на неё, сжиматься,
превращаясь в клетку. Золотую клетку, в которой она сама

себя заперла.

Она прошла в спальню, открыла шкаф. Там, среди платьев от кутюр и туфель на шпильках, висела её старая куртка, которую она взяла с собой из прошлой жизни. Светлана достала её, прижала к лицу. Куртка пахла пылью, снегом и чем-то ещё, чем-то далёким и почти забытым. Домом.

Она надела её прямо поверх шёлкового халата, застегнула молнию и подошла к окну. В отражении стекла она увидела себя: странную фигуру в старом пуховике и дорогом белье, с лицом, которое принадлежало не ей, с глазами, полными слёз.

«Кто я? – спросила она себя. – Кем я стала?»

Ответа не было.

Долго лежала Светлана на дизайнерском диване, не в силах сомкнуть глаз, и глядела на панораму ночной Москвы, усеянную миллиардами новогодних огней. И думала она: каждый сей огонёк – чья-то жизнь. Настоящая. Чья-то кухня, чей-то смех, чьи-то ссоры и примирения. Простые, как ломоть хлеба. А её жизнь – она была не настоящей. Она была декорацией, которую кто-то построил на пустом месте, и теперь декорация эта грозила рухнуть, погребая её под обломками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.